

Я. В. Чеснов

О СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ И ПРИРОДНЫХ УСЛОВИЯХ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ХОЗЯЙСТВЕННО-КУЛЬТУРНЫХ ТИПОВ

(В СВЯЗИ С РАБОТАМИ М. Г. ЛЕВИНА)*

Разработка теории хозяйственно-культурных типов и историко-этнографических областей — плод коллективного труда советских ученых-сибироведов как этнографов, так и археологов. Однако несколько исследователей сыграли в этом ведущую роль. В первом их ряду стоит имя Максима Григорьевича Левина. Эта проблема заинтересовала М. Г. Левина еще во время его экспедиции в Туву в 1926 г.¹

В задачу настоящей работы не входит историографический анализ развития теории хозяйственно-культурных типов и историко-этнографических областей, связанной также с именами С. П. Толстова, А. П. Окладникова, А. М. Золотарева, Н. Н. Чебоксарова, С. А. Токарева и др. Но теоретическая работа М. Г. Левина в этом направлении будет рассмотрена с достаточной полнотой, чтобы показать, что основой взглядов М. Г. Левина была мысль о возникновении специализированных хозяйственно-культурных типов на основе экономических связей.

Советские исследователи пришли к созданию теории хозяйственно-культурных типов и историко-этнографических областей в результате исследования проблем этногенеза. Широкая постановка этих проблем, изучение истории всех без исключения народов, больших и малых, дали огромный материал для теоретических обобщений. Особое значение имели данные, собранные на пространствах Сибири несколькими поколениями отечественных ученых (но больше всего в советское время). Внимание к современной жизни и к далекому прошлому народов Сибири, характерное для советских исследователей, позволило проследить динамику развития культурных явлений.

Важным этапом в истории изучения этой проблематики было совещание по этногенезу народов Севера в 1940 г.² На этом совещании А. П. Окладников в своем докладе выделил ареалы и стадии неолитической культуры в Сибири. В прениях по докладу выявились основные расхождения в понимании этапов в развитии хозяйства и культуры этого региона между А. П. Окладниковым и А. М. Золотаревым. В про-

* Расширенный текст доклада, прочитанного на конференции по этногенезу народов Сибири в Новосибирске 15 мая 1969 г.

¹ Сведения об этом имеются в статье В. В. Бунака, опубликованной в 1928 г. (V. Boupak, Un pays de l'Asie peu connu: le Tanna-Touva, «Internationaler Archiv für Ethnographie», 1928, Bd. 29, Hf. 13). О научной и научно-организационной деятельности М. Г. Левина, одного из крупнейших советских этнографов и антропологов, см.: В. П. Алексеев, Максим Григорьевич Левин (1904—1969), сб. «Проблемы антропологии и исторической этнографии Азии», М., 1968.

² «Обзор прений по докладам на совещании по этногенезу народов Севера (28—29 мая 1940 г.)», «Краткие сообщения Ин-та истории материальной культуры», вып. IX, 1941.

типоволожность А. П. Окладникову, А. М. Золотарев, следуя за схемой К. Биркет-Смита и В. Г. Богораза, считал исаковскую и серовскую культуры принадлежавшими оседлым зимним рыболовам, а более поздние — китойскую и глазковскую — культурами охотников. При этом «должная культура зимних рыболовов» рассматривалась А. М. Золотаревым как обязательная стадия для всей северной таежной и приполярной зоны³. Выяснение характера древних культур Сибири имело важное значение для последующей разработки М. Г. Левиным теории хозяйственно-культурных типов⁴.

В 1945 г. М. Г. Левин в докладе «К проблеме исторического соотношения хозяйственно-культурных типов северной Азии», автореферат которого был опубликован в 1947 г.⁵, не соглашаясь с А. М. Золотаревым, приходит к выводу, что в Северной Азии исходной была культура таежных охотников и рыболовов, имевших для сухопутного транспорта ручную нарту и лыжи.

Упряжное же собаководство, по М. Г. Левиному, возникло сравнительно поздно, уже в условиях специализированного хозяйства оседлых рыболовов и развивающегося обмена. Рыболовство как раз давало возможность иметь достаточно корма для большого числа ездовых собак. Таким образом, по этой концепции специализированное хозяйство оседлых рыболовов и арктических охотников, обладающих упряжным собаководством, развивается из комплексной неспециализированной охотничье-рыболовческой культуры, представленной в неолите Северной Азии. В этом регионе на этнографическом материале М. Г. Левин выделил следующие пять хозяйственно-культурных типов: 1) таежные охотники и рыболовы; 2) арктические охотники за морским зверем; 3) оседлые рыболовы бассейнов крупных рек; 4) охотники-оленоводы тайги; 5) олениводы тундры⁶.

Нам важно обратить внимание на то, что в рассматриваемой работе появление специализированных хозяйственно-культурных типов оседлых рыболовов и таежных охотников-олениводов связывается с развитием обмена и добычей пушнины для древних торговых связей с Индией, Ираном, Китаем и другими странами. Свое высшее развитие культура таежных охотников получила с распространением выючно-верхового оленеводства.

³ Подробно об этом см.: А. М. Золотарев, К вопросу о происхождении эскимосов, «Антропологический журнал», 1937, № 1; его же, Новые данные о тунгусах и ламутах XVIII века, «Историк-марксист», 1938, кн. 2.

⁴ Нужно отметить, что общий набросок хозяйственно-культурных типов был сделан С. П. Толстовым в 1932 г. См.: С. П. Толстов, Очерки первоначального ислама, «Сов. этнография», 1932, № 2. В основу своего обзора С. П. Толстов положил разработанную в мировой этнографии схему развития форм хозяйства. Сам термин «хозяйственно-культурный тип» им еще не был применен. Однако по существу в названной статье С. П. Толстова дан блестящий пример марксистского подхода к проблеме: показано историческое место хозяйственно-культурных типов и сделан конкретный анализ их в условиях формирования феодального государства у арабов.

⁵ М. Г. Левин, К проблеме исторического соотношения хозяйственно-культурных типов Северной Азии, «Краткие сообщения Ин-та этнографии АН СССР», II, 1947.

⁶ Все пять хозяйственно-культурных типов Северной Азии представлены и в последующих работах М. Г. Левина. Но, кроме них, на юге Сибири М. Г. Левин и Н. Н. Чебоксаров выделили тип степных скотоводов-кочевников, см. М. Г. Левин, Н. Н. Чебоксаров, Хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические области (К постановке вопроса), «Сов. этнография», 1955, № 4, стр. 9; М. Г. Левин, Этническая антропология и проблемы этногенеза народов Дальнего Востока, М., 1958, стр. 8.

По-видимому, кроме этих типов, на севере Азии можно наметить еще один хозяйственно-культурный тип — охотников тундры и лесотундры. Основой хозяйства выступает здесь охота на дикого оленя. Этот тип распространен на севере Азии у нганасан, энцев и части юагиров, а также пережиточно у саамов, ненцев, чукчей, эскимосов и некоторых других народов Арктики, в Северной Америке — у эскимосов-охотников на карibu (см. Ю. Б. Симченко, Основные черты культуры охотников на дикого оленя Северной Евразии, М., 1964; K. Birket-Smith, The Caribou Eskimos. Material and social life and their cultural position, vol. 1—2, Copenhagen, 1929).

Следующим важным этапом в разработке методологических вопросов этнографии была совместная статья М. Г. Левина и Н. Н. Чебоксарова «Хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические области»⁷.

В этой статье ее авторы впервые в советской науке сформулировали определение хозяйственно-культурных типов: «Под хозяйственно-культурными типами следует понимать исторически сложившиеся комплексы особенностей хозяйства и культуры, характерные для народов, обитающих в определенных естественно-географических условиях, при определенном уровне их социально-экономического развития»⁸.

В статье в развернутой характеристике хозяйственно-культурных типов была сохранена точка зрения М. Г. Левина о важном значении экономических связей. Их роль рассмотрена на примере типа таежных охотников и рыболовов, к которому отнесены юкагиры, удэгейцы, часть орочей, отдельные группы безоленных хантов, манси и кетов. «В хозяйстве этих народов важную роль играла охота на пушного зверя, требовавшая постоянных передвижений во время охотничьего сезона и связанная поэтому с подвижным образом жизни. Пушная охота — явление относительно позднее в истории народов Севера; она была вызвана развитием обмена, тем спросом на северные меха, который предъявляли рынки Китая, Средней Азии, а в последние столетия — русский рынок»⁹. Важнейшими чертами этого типа, можно сказать, его структурообразующими элементами выступают, как мы видим, специализированная охота на пушного зверя и связанный с ней подвижный образ жизни.

В этой статье впервые в полной мере рассматривалось соотношение хозяйственно-культурных типов и историко-этнографических областей. В статье проводилась мысль, что единый хозяйственно-культурный тип может сложиться «у разных народов и в разных, даже отдаленных друг от друга областях в сходной географической среде»¹⁰. Таким образом, по мысли авторов, черты хозяйственно-культурного типа не связаны с этнической спецификой в культуре. С другой стороны, у народов, живущих по соседству, можно выделить историко-этнографические области — конкретные территории, на которых в результате длительных связей, взаимного влияния и общности исторических судеб народов сложилась культурная общность. Историко-этнографические области так же, как и хозяйственно-культурные типы, являются исторической категорией, но пространственно ограничены взаимодействующими в их территориальном единстве этническими общностями. В Сибири были выделены следующие историко-этнографические области: ямало-таймырская, западносибирская, алтае-саянская, восточносибирская, камчатско-чукотская и амуро-сахалинская¹¹.

Как один из примеров М. Г. Левин и Н. Н. Чебоксаров рассмотрели ямало-таймырскую область, которая включает ненцев, большую часть энцев и иганасан, а также северные оленеводческие группы хантов и манси. Здесь общность культуры сводится не только к хозяйственно-культурному типу тундрового оленеводства с использованием нартовой упряжки. Она проявляется и в специфических деталях: наличии пастушеской собаки, верной упряжки оленей в косокопыльной нарте, управлении оленями вожжой слева и т. д. Такие детали свидетельствуют об исторических связях народов на данной конкретной территории¹².

⁷ М. Г. Левин, Н. Н. Чебоксаров, Указ. раб.

⁸ Там же, стр. 4.

⁹ Там же, стр. 5.

¹⁰ М. Г. Левин, Н. Н. Чебоксаров, Указ. раб., стр. 6. Та же концепция проводилась обоими авторами во вводной главе в кн. «Очерки общей этнографии. Общие сведения, Австралия и Океания, Америка, Африка», М., 1957.

¹¹ М. Г. Левин, Н. Н. Чебоксаров, Указ. раб., стр. 11.

¹² Там же.

Различие между хозяйственно-культурным типом и историко-этнографической областью М. Г. Левин и Н. Н. Чебоксаров показывают на примере сопоставления чукотско-корякского (камчатско-чукотская историко-этнографическая область) и ненецкого (ямало-таймырская историко-этнографическая область) оленеводства, которые относятся к одному хозяйственно-культурному типу оленеводов тундры. Однако и чукчи и коряки «не знают пастушеской собаки, запрягают обычно одного оленя в легкую нарту с гнутыми дугообразными копыльями, управляют оленями вожжей справа и т. д.»¹³.

Историко-этнографические области, по мнению М. Г. Левина и Н. Н. Чебоксарова, могут включать один хозяйственно-культурный тип (ямало-таймырская область, оленеводы тундры), или несколько (волго-камская область, для которой характерно взаимодействие лесных земледельцев и кочевников-скотоводов при сохранении следов более древнего типа — охотников и рыболовов лесной полосы)¹⁴.

На отмеченном нами этапе разработки теории хозяйственно-культурных типов и историко-этнографических областей был четко поставлен вопрос о разграничении обеих категорий. Авторы стремились сделать это на современном этнографическом материале. Они придавали большое значение тому, чтобы отделить этническую традицию в культуре народов от черт, зависящих от особого направления хозяйства в однородной естественно-географической среде. То, что народы входят в одну историко-этнографическую область, свидетельствует об определенных исторических контактах. Но оба автора оставляли по существу открытым вопрос об этнических связях создателей таких областей, особенно областей, выявляемых археологически: «... бывает невозможно ответить на вопрос о том, имеем ли мы здесь дело с родственными по происхождению и близкими по языку группами или же с разноразличными группами, выработавшими в результате длительного исторического контакта общие черты в своей культуре»¹⁵. Таким образом, этногенетическая ценность элементов хозяйственно-культурного типа, с одной стороны, и историко-этнографической области — с другой, прямо противоположна. По мысли М. Г. Левина и Н. Н. Чебоксарова, развитой в работах 1955 и 1957 гг., элементы первой категории в культуре какого-либо народа, будучи функционально связаны с природной средой, не несут этнической характеристики и совпадение их у двух или более народов не свидетельствует об этнических связях. Зато элементы, относящиеся ко второй категории, хотя и не говорят непременно об этническом родстве, но свидетельствуют об исторических контактах народов, которые можно определить хронологически и территориально.

Теоретические положения, развитые М. Г. Левиным совместно с Н. Н. Чебоксаровым, вскоре были применены М. Г. Левиным к постановке этногенетической проблемы на этнографическом, а также на антропологическом материале.

Во «Введении» к своей книге «Этническая антропология и проблема этногенеза народов Дальнего Востока», вышедшей в 1958 г., М. Г. Левин провел ту же линию в отношении хозяйственно-культурных типов и историко-этнографических областей, которая нашла свое отражение в его работах с Н. Н. Чебоксаровым. Если же проследить по тексту книги разработку М. Г. Левиным конкретных вопросов этногенеза народов Сибири, то это заставит сделать выводы, уточняющие его общие методические установки, изложенные во «Введении». Выводы эти касаются истории формирования хозяйственно-культурных типов и связи их с этническими общностями.

¹³ М. Г. Левин, Н. Н. Чебоксаров, Указ. раб., стр. 11.

¹⁴ Там же, стр. 12.

¹⁵ Там же, стр. 16.

Прежде всего М. Г. Левин поддержал выделение А. П. Окладниковым неолитических культур в Сибири, а также их характеристику как «хозяйственно-культурных областей»¹⁶.

Обратившись к фактическому материалу и выводам, сделанным А. П. Окладниковым, В. Н. Чернецовым и другими археологами в отношении неолитических хозяйственно-культурных областей¹⁷, можно констатировать следующее: 1) этим областям повсюду свойственно слабо дифференцированное охотничье-рыболовческое хозяйство. Выделение, например, рыболовства как основного занятия по берегам рек и северных озер не нарушало в общем однородной картины. На Дальнем Востоке в низовьях Амура более обособленно стоит Амурская область с большой ролью рыболовства и комплексом культуры, обнаруживающим тихоокеанские связи; 2) неолитические культуры Сибири и Дальнего Востока обладали не только культурной, но и этнической спецификой¹⁸. Этой точки зрения придерживался и М. Г. Левин¹⁹.

Чем являются эти области с точки зрения этнографа? Хозяйственно-культурными типами или историко-этнографическими областями? В общей форме можно было бы сказать, что тем и другим сразу. Но такое перенесение этнографических терминов на вполне определенную и понятную категорию археологов, как «хозяйственно-культурная область», неудовлетворительно. Дело не только в терминологии. На наш взгляд, между всеми рассматриваемыми категориями есть принципиальное различие.

Возможность реконструкции даже одного из наиболее ранних хозяйственно-культурных типов, известных нам этнографически (типа таежных охотников и рыболовов), для глубокой древности — всего неолита и даже палеолита²⁰, когда не существовало хозяйственной специализации, выглядит очень гипотетичной. Само существование современных ландшафтно-климатических зон в Сибири относится ко времени не ранее, чем VII тысячелетие до н. э.²¹ С этого рубежа наступил переходный мезолитический (эпипалеолитический) период, давший начало неолиту, когда на севере Азии появились новые формы каменных орудий, лук и стрелы, керамика. Понятно, что на огромном протяжении истории каменного века менялись условия и постепенно развивались те особенности хозяйства и материальной культуры, которые образовали особый комплекс хозяйственно-культурного типа охотников и рыболовов тайги. Этот тип — один из наиболее древних и естественно, что в нем должны быть очень сильны черты архаического хозяйства и культуры. В далекое прошлое, в ранний неолит, несомненно, уходит охота на мясного зверя, совмещавшаяся с рыболовством, навыки подледной ловли рыбы, зимнее жилище в виде землянок или полуземлянок, распашная одежда из шкур и т. д.

¹⁶ М. Г. Левин, Этническая антропология и проблемы этногенеза народов Дальнего Востока, стр. 193; А. П. Окладников, Неолит и бронзовый век Прибайкалья, ч. 1—2, «Материалы и исследования по археологии СССР» (далее МИА) № 18, 1950; ч. 3, МИА, № 43, 1955.

¹⁷ А. П. Окладников, Неолитические памятники как источники по этногонии Сибири и Дальнего Востока, «Краткие сообщения Ин-та истории материальной культуры», 1941, вып. IX; его же, Неолит и бронзовый век Прибайкалья, ч. 3; его же, К изучению начальных этапов формирования народов Сибири, «Сов. этнография», 1950, № 2; его же, Якутия до присоединения к Русскому государству, «История Якутской АССР», т. I, М.—Л., 1955; В. Н. Чернецов, Древняя история Нижнего Приобья, МИА, № 35; 1953. См. также: «История Сибири», т. I, «Древняя Сибирь», Л., 1968, гл. 3; «Сибирь в новокаменном веке. Эпоха неолита».

¹⁸ А. П. Окладников, Неолит и бронзовый век Прибайкалья, ч. 1—2, стр. 10, 11.

¹⁹ М. Г. Левин, Этническая антропология и проблемы этногенеза народов Дальнего Востока, стр. 194.

²⁰ М. Г. Левин, Н. Н. Чебоксаров, Указ. раб., стр. 5.

²¹ А. П. Окладников, Переход от палеолита к неолиту, «История Сибири», т. I, Л., 1968, стр. 76, 93.

Но при том взгляде, какой был сформулирован М. Г. Левиным на роль специализации в сложении хозяйственно-культурного типа таежных охотников и рыболовов, экономическая основа этого типа выглядит особой самостоятельной стадией по сравнению с предшествовавшими эпохами. Неолитический быт, основой которого была охота на мясного зверя и рыболовство, значительно отличался своей большей оседлостью от быта палеолитических охотников на крупных травоядных животных. Об оседлом быте, допускавшем небольшие сезонные перекочевки, свидетельствует, прежде всего керамика. Лишь с наступлением эпохи бронзы у обитателей тайги керамика становится малочисленной, стоянки недолговременными²². Это уже, несомненно, говорит о появлении того подвижного образа жизни, который присущ хозяйственно-культурному типу пеших таежных охотников и рыболовов. К вопросу о датировке появления этого типа мы должны будем еще вернуться ниже. Но сказанного, по-видимому, достаточно, чтобы утверждать, что с позиций М. Г. Левина, развитых им в работе 1947 г. и касающихся роли экономических связей, постановка вопроса о реконструкции рассматриваемого хозяйственно-культурного типа чуть ли не в палеолите выглядит непоследовательной. Если принять, что основой хозяйственно-культурного типа является наиболее развитая специализированная отрасль экономики, то недифференцированное, меняющееся в зависимости от местных источников пищи хозяйство, господствовавшее почти на всем протяжении неолита, не дает еще такой основы. Отсюда мы должны заключить, что неолитические культурные комплексы не представляют еще сформировавшихся хозяйственно-культурных типов.

Хозяйственно-культурные области неолита, все с большей точностью определяемые в Сибири археологами, были ограничены крупными географическими и гидрографическими рубежами²³, т. е. находились в рамках индивидуальных физико-географических стран, а не соотносились с ландшафтно-климатическими зонами. Физико-географическая природная страна определяется географами по ведущим аazonальным геолого-геоморфологическим факторам и имеет определенный ландшафтный комплекс²⁴. Природная страна (например, Западно-Сибирская низменность, Среднесибирская, Байкальская и т. д.) включает несколько сменяющих друг друга ландшафтно-климатических зон (в нашем примере речь идет о тундре, лесотундре, тайге, лесостепи и степи), и каждая такая зона пересекает в широтном направлении ряд соседних природных стран. Несколько меридиональных географических рубежей оказались наиболее существенными для образования сибирских хозяйственно-культурных областей. Это водораздельные хребты на всем Дальнем Востоке, отделяющие дальневосточный ареал неолитических культур; далее на Западе такой границей служит Енисей и, наконец, рубеж Уральских гор²⁵. Конечно, естественно-географические рубежи никогда не были абсолютными барьерами для человеческого коллективов и даже в эпоху неолита о таких границах мы можем говорить условно, но такая тенденция в неолите существовала. Специально исследовавший этот вопрос Ч. Чард резюмирует: «... Очевидно, что в это время традиционный дуализм среды обитания, как например, степи и

²² А. П. Окладников, Неолит и бронзовый век Прибайкалья, ч. 3, стр. 123, 127; В. Е. Ларичев, Племена восточно-сибирской тайги в бронзовом веке, «История Сибири», т. I, стр. 199.

²³ «История Сибири», т. I, стр. 95. Карта «Неолитические культуры Сибири»; Ch. S. Chard, Neolithic culture areas of Northern Asia: A preliminary definition, «Beicht über dem V Internationalen Kongress für Vor- und Frühgeschichte, Hamburg, 1958», Berlin, 1961, SS. 181—185.

²⁴ Ф. Н. Мильков, Ландшафтная география и вопросы практики, М., 1966, стр. 30, 31, 66; В. С. Преображенский, Ландшафтные исследования, М., 1966, стр. 95.

²⁵ Ch. S. Chard, Указ. раб., стр. 182—183.

леса, не имел важного значения, так как культурные границы неолита перерезают эти зоны, и мы находим разнообразные природные условия внутри однородного культурного единства»²⁶. Он высказывает также предположение, что только с одомашниванием оленя возникло обособление культур по отдельным ландшафтно-географическим зонам²⁷.

Ареалы неолитических культур Сибири (байкальский, дальневосточный, якутский и урало-обский) включали различные ландшафтно-климатические зоны, соотношение которых было аналогично современному, хотя широтные границы современных зон несколько отличаются от границ древних. Внутри отдельных культур мы наблюдаем разнообразие ландшафтно-климатических условий, например, в обской культуре — берега рек и озер, где пищей человеку служила рыба, и тайга с мясным зверем; в прибайкальской — степи и лес.

С другой стороны, каждая из неолитических культур Сибири была создана, как это постоянно доказывает А. П. Окладников, этнически родственным населением. Такой авторитетный исследователь, как В. Н. Чернецов, также постоянно прослеживает этническую специфику в древних культурах Сибири. По его мнению, «этнические группы образовывали цепи родственных культур, которые слагали этнокультурный ареал, близко соответствующий языковой семье»²⁸. Говоря далее о традиционных приемах хозяйства, устойчивых особенностях в фольклоре, идеологии, искусстве, В. Н. Чернецов характеризует их как «показатели этнической непрерывности». «Эти устойчивые традиционные признаки не могут использоваться при анализе иных, кроме первобытнообщинной, формаций»²⁹.

Беря за основу положения М. Г. Левина, изложенные им впервые в работе 1947 г., мы можем поставить вопрос о датировке самых ранних хозяйственно-культурных типов в Северной Азии. В Сибири эпоха общественного разделения труда наступила, по-видимому, в китойское время (III—начало II тысячелетия до н. э.). Для этого времени А. П. Окладников обнаружил такой характерный показатель развитого обмена, как торговля нефритом³⁰.

Отмечаемое в китее снижение роли охоты на мясного зверя, выдвижение на передний план рыболовства, рост собирательства, развитие торговли нефритом должны говорить и о росте пушного промысла, роль которого все более возрастала в последующее время. Таким образом, в китойское время сформировался наиболее древний хозяйственно-культурный тип на севере Азии — тип пеших таежных охотников и рыболовов. Характерно, что именно в китойское время в погребениях обнаружено имущественное неравенство — знак того, что родовые отношения начали разлагаться. Эта тенденция еще более выражена в глазковское время (XVIII—XIII вв. до н. э.), когда устанавливаются регулярные связи таежных охотников и рыболовов со скотоводческими народами лесостепей и степей юга. Огромную стимулирующую роль сыграло, по-видимому, соседство производящего пашенного земледельческого хозяйства, а также скотоводства в Монголии и Забайкалье в конце неолита и в бронзовом веке во II и I тысячелетиях до н. э.³¹.

Важнейшим переломным моментом в истории хозяйственно-культурных типов на севере Азии было распространение с юга оленеводства, которое, как показало исследование М. Г. Левина и Г. М. Василевич,

²⁶ Ch. S. Chard, Указ. раб., стр. 185.

²⁷ Там же.

²⁸ Выступление В. Н. Чернецова на обсуждении доклада А. Л. Монгайта, «Народы Азии и Африки», 1967, № 1, стр. 73.

²⁹ Там же.

³⁰ А. П. Окладников, Неолит и бронзовый век Прибайкалья, ч. 1—2, стр. 372.

³¹ А. П. Окладников, О начале земледелия за Байкалом и в Монголии, сб. «Древний мир», М., 1962, стр. 428; В. Е. Ларичев, С. А. Федосеева, Неолитические племена Якутии, «История Сибири», т. I, стр. 122.

возникло под влиянием коневодства на рубеже нашей эры³². Распространение выючно-верхового и упряжного оленеводства, а также пушного промысла больше, чем что-либо другое, содействовало дифференциации хозяйственно-культурных типов по ландшафтно-климатическим зонам. В соответствии с широтным направлением последних хозяйственно-культурные типы также распространялись в основном в этом направлении. Сходные типы перекрыли в широтном направлении прежние неолитические ареалы, очерченные по существу индивидуальными физико-географическими странами.

По поводу основных особенностей материальной культуры хозяйственно-культурного типа охотников-оленьеводов тайги М. Г. Левин и Н. Н. Чебоксаров отмечают, что они «остались прежними: тот же чум, лодка-берестянка, распашной тип одежды и т. д.»³³. Имеется сходство общих направлений хозяйства в типе пеших таежных охотников и рыболовов и в типе охотников-оленьеводов тайги. У тех и у других рыболовство обеспечивает возможность заниматься специализированным охотничьим хозяйством, особенно пушной охотой, имеющей главным образом товарное значение. Транспортное оленеводство способствует лишь интенсификации пушной охоты и подвижности охотника. Убой домашних оленей на мясо незначителен и существенно не изменил важной роли охоты на мясного зверя. Естественно, что появление в той же таежной зоне нового, более развитого хозяйственно-культурного типа охотников-оленьеводов стало возможно благодаря росту экономических связей, главным образом с населением южных скотоводческих и земледельческих районов, большей специализации вследствие роста разделения труда. Сопоставление охотников-оленьеводов и пеших таежных охотников и рыболовов лишний раз доказывает значение углубления разделения труда для появления нового хозяйственно-культурного типа. В связи с этим само первоначальное возникновение хозяйственно-культурных типов мы непременно должны связать с возникновением общественного разделения труда.

Рассматривая совместные работы М. Г. Левина и Н. Н. Чебоксарова, где впервые были названы и охарактеризованы по существу все хозяйственно-культурные типы мира, следует поставить вопрос о критерии выделения отдельного типа, т. е. вопрос о границах между типами в историческом плане, а также в плане географическом.

Возьмем в качестве примера все тех же пеших таежных охотников и рыболовов и охотников-оленьеводов тайги. Структуроопределяющим фактором хозяйственно-культурного типа таежных охотников-оленьеводов по сравнению с прежним типом выступает новая форма хозяйства — транспортное оленеводство, давшее возможность освоить большую охотничью территорию и сделавшее охотника еще более подвижным. Критерий различия этих двух хозяйственно-культурных типов лежит здесь не в сфере различия отдельных элементов культуры, а в особой для каждого типа структуре объединения одинаковых элементов культуры на основе разных форм хозяйства в одной природной зоне. Устойчивость структуры каждого из этих двух близких хозяйственно-

³² Г. М. Василевич, М. Г. Левин, Типы оленеводства и их происхождение, «Сов. этнография», 1951, № 1. См. также: С. И. Вайнштейн, К вопросу о саянском типе оленеводства, «Краткие сообщения Ин-та этнографии», XXXIV, М., 1960; его же, К вопросу о происхождении оленеводства, сб. «История, археология и этнография Средней Азии», М., 1968. По проблеме распространения оленеводства в Прибайкалье в глубь тайги существует интересная точка зрения Г. П. Сосновского. Он связывал начало использования оленя в хозяйстве пеших охотников и рыболовов тайги с тем, что первоначально домашние животные попадали в тайгу как объекты обмена (Г. П. Сосновский, Древнейшие следы скотоводства в Прибайкалье, «Изв. ГАИМК», вып. 100, М.—Л., 1933, стр. 221, 222).

³³ М. Г. Левин, Н. Н. Чебоксаров, Указ. раб., стр. 6.

культурных типов определяется, следовательно, не природной средой — она одинакова в обоих случаях.

С другой стороны, единый хозяйственно-культурный тип может развиваться на основе географически различающихся форм одного вида хозяйства, как, например, это имеет место у кочевников-скотоводов степей и полупустынь. Представителями этого типа являются монголы, значительная часть тибетцев, казахов, киргизов, часть туркмен, кочевых племен Ирана, Турции, Аравии и Северной Африки. Если у монголов на первом месте стоит разведение лошадей и овец, то у кочевых арабов (бедуинов) — лошадей и верблюдов и т. п. Состав стада и природные условия содержания скота могут значительно изменяться от одной территории кочевского скотоводства к другой. Однако везде скотоводство представляет собой специализированное хозяйство, вызвавшее массу сходных особенностей быта и культуры: кочевой образ жизни, преобладание мясной и молочной пищи, переносное жилище, широкое распространение кожаной утвари за счет керамической и т. д. Конкретные же формы культуры в данном типе могут существенно меняться. Достаточно назвать юрту, а также рубашку, штаны, халат и сапоги монголов, с одной стороны, и — с другой стороны — тканую шерстяную палатку бедуинов, их костюм на основе туники, плаща-покрывала и легкой поясной одежды, их сандалии.

Различно у кочевников-скотоводов и соотношение кочевого скотоводства с другими отраслями хозяйства, выступающими как подсобные занятия: охотой, земледелием, рыболовством и т. д.

Общий вывод из рассмотрения вопроса о критерии выделения хозяйственно-культурного типа следующий: единство типа структурно определяется главной отраслью хозяйства, представляющей одну из сторон в общественном разделении труда. Хозяйственно-культурный тип в сфере культуры может быть представлен элементами, имеющими распространение и в других типах, но в каждом данном хозяйственно-культурном типе эти черты образуют особое сочетание, особую структуру.

Таким образом, концепция М. Г. Левина, заключающаяся в социально-экономической обусловленности возникновения хозяйственно-культурных типов, позволяет нам: 1) более конкретно представить себе взаимоотношения природы и общества в разные исторические эпохи, 2) уточнить исторические рамки существования хозяйственно-культурных типов.

Природная среда, являясь предпосылкой любой человеческой деятельности, основным ее условием, выполняет эту свою роль по-разному в течение прогрессивно сменяющихся друг друга исторических эпох. То, в каком виде природная среда выступает перед человеком, зависит от его собственной деятельности, которая сама в конечном счете определяется уровнем социально-экономического развития общества.

Как показывает материал по истории народов Сибири, начиная по крайней мере с неолита, можно выделить две эпохи в отношении общества к природной среде. Первая из них, древнейшая, состояла в том, что хозяйственная деятельность людей была целиком направлена только на воспроизводство самих коллективов. Отсутствовало разделение труда между коллективами, низкий уровень производства не допускал хозяйственной специализации. На этом этапе наблюдается обычно сходство производственного инвентаря на больших территориях, очерченных границами отдельных физико-географических стран. На этом уровне социально-экономического развития мы не наблюдаем сложившихся культурных комплексов, соответствующих зональным ландшафтно-климатическим условиям, т. е. хозяйственно-культурных типов. В эту эпоху в границах физико-географических стран существуют ареалы неолитических культур, представляющие собой большие территории, которые ограничены крупными физико-географическими рубежами и которые

обнаруживают определенное единство производственного инвентаря, керамики, орнамента и т. п., что говорит об обитании в таких ареалах скорее всего родственного населения. Итак, в рассматриваемую эпоху характер взаимодействия человека с природной средой зависел от чрезвычайно низкого уровня развития производительных сил, что влекло за собой, с одной стороны, недифференцированное использование местных ресурсов, а с другой то, что физико-географические рубежи являлись тогда очень большими препятствиями, которые замыкали отдельные родственные группировки человечества. Для этой эпохи характерны «хозяйственно-культурные области», по терминологии А. П. Окладникова, или «этнокультурные ареалы», по терминологии В. Н. Чернецова.

Вторая эпоха начинается с возникновением общественного разделения труда еще в условиях первобытного строя. Суть наступившего изменения в отношении к природе заключается в том, что возникло специализированное хозяйство. В эту эпоху производственное значение имеют не вообще все ресурсы, возможные на прежней стадии, а главные источники питания и материальных благ, на которые ориентировано производство, а также вся культура и быт.

Решающим фактором возникновения специализированного хозяйства явилось социально-экономическое развитие. Ф. Энгельс рассматривал разделение земледельческих и скотоводческих народов прежде всего как первое крупное общественное разделение труда. «Пастушеские племена выделились из остальной массы варваров—это было первое крупное общественное разделение труда. Пастушеские племена производили не только больше, чем остальные варвары, но и производимые ими средства к жизни были другие... Это впервые сделало возможным регулярный обмен. На более ранних ступенях развития мог происходить лишь случайный обмен...»³⁴.

Следует полагать, что обособление земледельческого и скотоводческого хозяйств, которое, по новейшим данным, раньше всего началось на Ближнем Востоке с VI тысячелетия до н. э.³⁵, дало основной толчок формированию хозяйственно-культурных типов.

Иная точка зрения—взгляд на взаимоотношение между географической средой и обществом только как на процесс приспособления человека к этой среде—ведет к географическому детерминизму. Хозяйственно-культурные типы нельзя рассматривать лишь как приспособление к географической среде, как комплексы, функционально с ней связанные. Эти типы исторически развиваются на основе территориально-зонального разделения труда и представляют собой особые формы взаимодействия общества с природной средой. Территориально-зональное разделение труда ограничено использованием в экономических связях продуктов, появляющихся на определенной ступени у обществ, где земля является основным средством производства.

Эпоха возникновения хозяйственно-культурных типов совпадает с наступлением общественного разделения труда и началом разложения материнско-родовых отношений. С появлением хозяйственно-культурных типов оро- и гидрографические рубежи служат препятствием для расселения народов в гораздо меньшей степени, чем на прошлой стадии. В общение вступают разные по происхождению народы и с разными хозяйственно-культурными типами. На этой основе образуются историко-этнографические области—конкретные территории, на которых взаимодействуют народы с различными хозяйственно-культурными ти-

³⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 21, стр. 160.

³⁵ A. Ch. Reed, A review of the archeological evidence on animal domestication in the prehistoric Near East, «Studies in ancient Oriental civilization», Chicago, 1960; F. E. Zeuner. A history of domesticated animals, London, 1963; X. Клингелъ, Экономические основы кочевничества в древней Месопотамии, «Вестник древней истории», 1967, № 4.

пами. В рамках историко-этнографических областей осуществляется дальнейшее развитие хозяйственно-культурных типов и их распространение.

По сравнению с предшествующей эпохой, хозяйственно-культурные типы представляют новую форму отношения людей к природной среде, форму, которая диктуется более высоким уровнем социально-экономического развития в целом и общественным разделением труда в частности. В эту эпоху ряд старых видов жизнедеятельности людей перерастает в специализированные комплексы хозяйства и культуры. Но это лишь частный случай более широкого процесса формирования различных хозяйственно-культурных типов, часто связанных с совершенно новыми направлениями хозяйства. Важнейшим условием такого взаимодействия с природой является, по нашему мнению, историко-этнографическая область, образующая историко-культурную среду для развития хозяйственно-культурных типов, облегчающая переход от низших типов к высшим.

Отметим, что историко-этнографические области имеют границы, опосредствованные социально и культурно гораздо в большей степени, чем хозяйственно-культурные области предшествовавшей эпохи. В силу этого границы историко-этнографических областей оказываются довольно подвижными и зависят от конкретной истории народов, их переселений, а также политической экспансии в эпоху классового общества. Однако историко-этнографические области, представляя собой конкретные территориальные образования, могут обнаруживать связи с предшествовавшими им хозяйственно-культурными областями, которые также были конкретными территориальными единствами. О том, что историко-этнографические области, выделяемые на этнографическом материале и по данным письменных источников, могут быть сопоставлены с археологическими хозяйственно-культурными областями, А. П. Окладников писал в своей рецензии на книгу М. Г. Левина³⁶.

Признавая в качестве важнейшего положение о том, что возникновение хозяйственно-культурных типов причинно связано прежде всего с определенным уровнем социально-экономического развития — появлением разделения труда у обществ, находящихся в различных ландшафтно-климатических условиях, мы не должны тем не менее преуменьшать натуральность хозяйства народов Сибири на всем протяжении существования у них хозяйственно-культурных типов. Здесь нет противоречия, так как в данном случае возвращение продуктов товарного обращения в производство по существу не имело места. Товарный обмен велся главным образом предметами непрямостоятельного потребления (пушнина, некоторые виды пищи, напитки, соль, украшения, в поздние эпохи в самом небольшом объеме — железо и лишь в последние столетия — огнестрельное оружие). В более отдаленном прошлом степень натуральности была особенно велика, так как производители сами обеспечивали себя необходимыми средствами производства. Главным средством производства на всем протяжении существования хозяйственно-культурных типов остается земля, эксплуатация ресурсов которой ведется в условиях территориально-зонального разделения труда.

³⁶ А. П. Окладников, Рецензия на кн. М. Г. Левина «Этническая антропология и проблема этногенеза народов Дальнего Востока», «Сов. археология», 1964, № 1, стр. 295, 296.

ON THE SOCIAL-ECONOMIC AND NATURAL CONDITIONS OF THE ORIGIN OF ECONOMIC-CULTURAL TYPES

(IN CONNECTION WITH THE WORKS OF M. G. LEVIN)

The article attempts to elaborate the theory of economic-cultural types initiated by Soviet ethnographers in the course of research into the causes of similarities and differences between the cultures of different peoples. Economic-cultural types represent historically evolved complexes of economic and cultural traits characterizing peoples in certain geographical environments at certain levels of their social-economic development. Research workers specializing in the ethnography and archaeology of Siberia played an important part in developing the concept of economic-cultural types. Prominent among them was M. G. Levin on whose theoretical ideas the present article is based. Its main theses are the following: various economic-cultural types are formed within the boundaries of geographical landscape zones; these complexes of economy and culture first appear in Siberia at the end of the Neolithic — beginning of the Bronze era. Their rise is preconditioned primarily by a social-economic factor — the social division of labour bearing a territorial-zonal character. The idea is promulgated that the social-economic development of society should be regarded as the definitive factor in the emergence of economic-cultural types. A favourable environment for the spread of social-economic types and their contacts is formed by historical-ethnographic regions where peoples of different origin interact during long periods of time and attain unity in some spheres of culture. As to the areas of Neolithic cultures they should be distinguished both from economic-cultural types and from historical-ethnographic areas.
